

ТАТЬЯНА
Донченко

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Я В ОТПУСК

А ТЫ,
Милый, НА ХОЗЯЙСТВЕ!

А ОТ ЧЕГО ТЫ УСТАЛА?
ТЫ Ж ДОМА СИДИШЬ!

Татьяна Донченко

**Я в отпуск! А ты,
милый, на хозяйстве!**

«Автор»

2026

Донченко Т.

**Я в отпуск! А ты, милый, на хозяйстве! / Т. Донченко —
«Автор», 2026**

У нас трое детей, куча кружков, спортивные секции, домашний быт. Но «это не настоящая работа». Мужу-бизнесмену виднее. Я дошла до точки кипения, когда подружка позвала меня на отдых, а муж заявил: «А от чего ты устала? Ты же дома сидишь!» Пока-пока, милый! После таких слов ты, пожалуй, заслужил «отдых» дома. А я, все же, – в отпуск!***– Милая, что это за чаты? Куда ты меня добавила? Целых семь штук! Там одни сумасшедшие! 199 сообщений только за сегодня! – орал Мишаня в трубку. Я прикрыла рукой микрофон и улыбнулась. Затем вернула голосу серьезность и произнесла с максимальным сочувствием, на которое была способна. – Семь? Прости, я забыла тебя добавить в чаты кружков и секций! – Они, что, всем этим занимаются? – Прикинь, милый! И, да, я сейчас скину тебе их расписание на эту неделю. – Судя по этому графику, я должен быть в трех местах города одновременно. – Представь, что ты – супер-папа. – Как ты с этим всем справляешься? – И, заметь, никогда не устаю. Ты сам так сказал.

Содержание

1	5
2	8
3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Татьяна Донченко

Я в отпуск! А ты, милый, на хозяйстве!

1

Ну, конечно, кто бы сомневался!

Телефон зазвонил ровно в тот момент, когда я одной рукой вытирала Матвеем сопли, второй пыталась не дать ему опрокинуть тарелку с кашей, а ногой придерживала дверцу стиральной машины, которая решила, что ей срочно нужно станцевать джигу посреди кухни.

Я глянула на экран: Наташа.

Моя дорогая, свободная от маленьких детей, Наташа.

– Алло, Машка! Гоу со мной в отпуск! – заорала она так, будто я стояла в соседней комнате, а не держала трубку плечом, попутно вылавливая из волос Марины какие-то то ли блёстки, то ли... фу! Что это?

– Ты сколько латте уже бахнула, Каримова? – вздохнула я, перекладывая трубку на другое ухо, пока Матвей пытался залезть на подоконник, чтобы открыть окно и, очевидно, из него выброситься.

– Всего два, а ты?

– Мой лимит удовольствия исчерпан до конца дня. Я сегодня утром позволила себе... сесть. Правда, всего лишь, на унитаз и с открытой дверью, но...

– Во-о-от! – как будто я нарочно подвела к сути ее предложения! – Слушай, у Марата накрылась поездка в Турцию. Он срочно летит в Новороссийск со своим партнером Леоновым, какой-то форс-мажор с поставками. У меня тур на двоих, горящий, вылет через три дня. Пять звезд. Всё включено! Едем со мной!

Я замерла.

Матвей, мой трехлетний ураган, воспользовавшись моим замешательством, стащил со стола ложку и попытался засунуть её в пасть собаке.

Я машинально выхватила её у него, ощущая, как в груди разливается что-то теплое и совершенно неуместное – надежда.

– Наташ, ты с ума сошла? – зашептала я, прикрывая рот рукой, чтобы мой Миша, пока собирается на работу, не услышал. – У меня трое детей. Собака! Коту, блин, только вчера яйца отрезали и черепаха потерялась! Да еще и муж, у которого вечно стройка. У меня завтра собрание в школе у двоих детей одновременно, у Максима ОГЭ, у Марины соревы танцам, а у Матвея... у Матвея, судя по звуку, сейчас сломается шкаф. Катастрофа!

– Ага, слышу, как фонит катастрофа, – хмыкнула Наташа. – Но ты подумай. Мы будем лежать на пляже. Пить коктейли. Никто не будет кричать «Мам, а где мои носки?» и «Мам, он меня трогает!». Чистое море, горячий песок, массаж, шведский стол, и ни одного грязного горшка. Машка, это шанс. Ты когда последний раз была в отпуске?

– В прошлом году летали.

– То было всей семьей, со всеми тремя детьми и мужем. Ты же первое, что сказала, когда вернулась, не: «Как я классно отдохнула», а: «Как же я, мать вашу, задолбалась! Слава богу, вернулись домой!». И еще потом три недели чемоданы разгребала и дом убирала.

– Да! Потому что кот, скотина, он...

– Да я знаю эти истории. Ты никогда не отдыхала одна. А это разные вещи, дорогая. Когда ты «отдыхаешь» с детьми — ты несешь за них ответственность. А когда ты несешь ответственность — ты не отдыхаешь.

Она была права. Но как тут признаться, что я тупо спросить у мужа боюсь, заикнуться...

– У тебя даже отдыха толком не было, ты из одного декрета сразу во второй, а потом в третий.

Я посмотрела на часы. До обеда оставалось три часа. Мне нужно было собрать Максима в школу (он в девятом классе и, боже, он считает, что знает жизнь лучше меня), отвести Марину тоже на вторую смену в младшую школу и успеть на пятиминутку к психологу, потому что Матвей опять отказывается ходить на унитаз как большой.

А вечером придет Михаил Игоревич, мой любимый кормилец и строительный магнат, который, судя по его настроению в последнее время, считает, что я тут просто провожу отпуск за его счет.

– А Миша? – спросила я, хотя уже знала ответ. – Миша меня не отпустит. Кто с детьми останется?

– Слушай, ну это и его дети тоже, – Наташа понизила голос до заговорщицкого. – А ты не спрашивай. Ставь перед фактом. Ты сколько лет тянешь детей на себе? Ты забыла, как пахнет море? Твой Миша как-то говорил, что ты «просто дома сидишь». Вот и пусть посидит сам. На работе он важный, бизнес-центры строит, контракты подписывает, а тут целых десять дней из трехсот шестидесяти пяти побудет с детьми. Это ж не работа, по его словам. Чего ему бояться?

Я хмыкнула, вспоминая его фразу вчера.

Пришла с прогулки с Матвеем, уставшая как собака, у Марины снова была истерика из-за того, что она не хочет на плавание, Максим закрылся в комнате и играл в компьютер, не сделав уроки.

Я села на диван, выдохнула и закрыла глаза. Миша зашел в комнату, посмотрел на меня, на разбросанные игрушки и сказал:

– Что ты расклеилась?

– Устала.

– А от чего ты устала? Ты ж дома сидишь целый день. Я вон с утра на объекте, провел четыре встречи, у меня люди, стройка, налоги.

После этих слов я хотела задушить его подушкой. Но подушку было жалко – она новая, пуховая, я её сама выбирала.

Вместо этого я молча ушла на кухню и доела холодную картошку, потому что готовить что-то новое не было сил.

– Наташ, – прошептала я, чувствуя, как адреналин начинает щекотать нервы. – А что я скажу? Он же разозлится.

– Пусть злится! – засмеялась подруга. – Скажи, что ты ему доверяешь. Докажи ему, что «сидеть дома с тремя спиногрызами» – это тоже работа. Максим, кстати, уже большой. Пусть папу научит чему-нибудь.

Тут в коридоре грохнуло.

Матвей опрокинул коробку с пазлами, и тысяча кусочков разлетелась по всему полу, как конфетти на новогодней вечеринке. Которую никто не планировал.

Из комнаты Максима донеслось:

– Мам, я не пойду в школу, у меня голова болит! – с такой интонацией, будто у него смертельная болезнь, а не ОГЭ на носу.

Марина тут же подхватила:

– Мам, он врет, он играет в «Роблокс» и украл у меня skins! А мне нужны новые полупальцы, мои старые потерялись!

В этот момент Бася, наш кот, направился в центр гостиной и совершил «акт возмездия» в виде тошноты. Прямо на ковер, оставив пятна от моих розовых пионов.

Матвей поспешил потрогать ногой эту «преlestь».

Я смотрела на этот хаос, на эту ежедневную, изнурительную машину быта, и вдруг поняла, что Наташа права.

Я устала.

Я устала так, что слово «устала» стало моим вторым именем.

2

Нажала «отбой» и положила телефон на стол. Пару секунд я просто стояла, глядя в одну точку на стене, где вчера Матвей решил угостить эту самую стену шоколадом, и, кажется, шоколад теперь въелся в обои навсегда. Как и эта фраза. «А от чего ты устала? Ты же дома сидишь!»

Дома сидишь. Сидишь, блин!

Я глубоко вдохнула. Потом еще раз. А потом я открыла рот – и из меня вырвалось что-то среднее между львиным рыком и боевым кличем амазонки перед последней битвой.

Честно говоря, я сама испугалась. У меня даже голос сел от напряжения, и на последнем «а-а-а!» я просто охрипла и перешла на сиплый шепот, но это меня не остановило.

– ВСЁ! – заорала я, срывая связи. – Всё, я устала! Я устала так, что, если бы усталость была олимпийским видом спорта, я бы уже взяла золото, серебро, бронзу и ещё, блин, почетную грамоту от президента за то, что я устала больше всех!

Я развернулась и увидела, что в дверях кухни стоит Михаил Игоревич Петров, мой муж, бизнесмен, покоритель строек и эксперт по женской усталости.

Он замер с чашкой кофе в руке и смотрел на меня с таким выражением, будто я только что объявила, что уезжаю жить в монастырь.

За его спиной маячили силуэты – Максим застыл с телефоном в руке, Марина выглядела из-за плеча брата, а Матвей, почувствовав неладное, прекратил долбить ложкой по собачьей морде и уставился на меня круглыми глазами.

Даже наша собака Бублик, которая обычно игнорирует любые слова, кроме «жрать» и «гулять», приподняла голову с коврика и наострила уши.

Кот Бася, который, казалось, состоял из чистой лени и шерсти, спрыгнул с подоконника. А из-за угла под тумбочкой показалась черепаха Бенджамин Баттон.

Абонемент на цирк не ждали? Что ж, представление начинается.

– Ты сидишь дома? – хрипло продолжила я, тыкая пальцем в Мишу. – Сидишь?! Давай я тебе расскажу, что значит «сидеть дома», чтобы ты наконец понял, почему у меня глаз дёргается и седина в тридцать лет появилась!

Миша попытался открыть рот, но я подняла руку. Нет, милый. Сейчас не твоя очередь объяснять, почему на стройке просел грунт. Сейчас моя минута славы.

– Сегодня утром, — начала я, срываясь на хрип, но продолжая, потому что меня уже было не остановить, — я проснулась в половине шестого, потому что Матвей решил, что пять утра — идеальное время, чтобы принести мне в кровать машинку и стучать ею по моей голове, потому что «мама, она гудит». В половине седьмого я обнаружила, что Максим не написал сочинение по литературе, и мне пришлось самой вспоминать «Мертвые души», чтобы помочь ему, хотя единственное, что я помню, — это то, что чувак сжег вторую часть. В семь часов Марина устроила истерику, потому что её радужные хлопья кто-то сожрал! Я даже не знаю, кто, потому что еще вечером у нас было полпачки! А возможно, это была и я, но приколы в том, что я настолько задолбалась вчера, что даже не помню, ела ли я вообще!

Я сделала паузу, чтобы перевести дыхание. Бублик вильнул хвостом, одобряя. Кот зевнул, но не ушёл – почти победа.

– Потом мы искали ключи от дома, потому что Максим их потерял – нет, он их не терял, он их сунул в карман куртки, которую повесил в шкаф, и забыл. Ключи потом нашлись в кроссовке. Почему в кроссовке? Я не знаю! Я устала задавать вопросы. Я просто приняла тот факт, что ключи могут оказаться где угодно, и если завтра я найду их в аквариуме у Бенджамина Баттона, я даже не удивлюсь. Я скажу: «Молодец, братан, охраняешь ценности семьи».

Я помахала рукой в сторону черепахи, которая, кажется, действительно наострила слух. Миша стоял, приоткрыв рот.

– А знаешь, что случилось вчера, когда я отвезла детей по школам и плелась по маршруту в сад? По дороге чуть не врезалась в автобус, потому что Матвей решил кричать, что видит трактор, прямо мне в ухо, а у меня от этого звука рефлексивно дернулся руль. Трактор, Миша! Ты знаешь, что так громко кричать может только человек, чьи легкие созданы, чтобы нарушать покой на пять километров вокруг? Вернулась домой – нет, не отдохнуть! Дома меня ждала гора белья, которая, кажется, научилась размножаться, когда я не смотрю. Я ее складываю, она снова растет. Это уже не бельё, это террариум с трусами и носками. У них там своя экосистема и процесс фотосинтеза!

Максим хихикнул, но тут же сделал серьёзное лицо, когда я посмотрела на него. А я, поверьте, уже научилась смотреть матом. Мне кажется, вся моя мимика, – в основном, сплошной мат!

– Я включила стиральную машину, – продолжила я, чувствуя, как разгоняюсь, как паровоз, летящий под откос, – и тут же Марина позвонила из школы: «Мам, я забыла рюкзак». Рюкзак, Миша! Я везу рюкзак. Возвращаюсь. Звонят из садика: «Мария, Матвей ударил мальчика лопаткой, потому что тот не поделился формочкой». Я еду за конфетами. Чтобы вечером извиниться перед воспитательницей. И знаешь, в чём прикол? Вечером ты приходишь, уставший, падаешь на диван и говоришь: «Ну как день? Чего делала?» А я стою с распухшей головой, в футболке, испачканной кашей, и несусь из магазина три пакета продуктов, из которых только сок и хлеб доживут до утра, и ты спрашиваешь: «Ужин готов? А что так долго?»

Миша икнул.

– А вчера! – зашлась я в истерическом смехе. – Вчера я пыталась принять ванну. Целых полминуты я сидела в ванне с пеной, закрыв глаза. Матвей постучал в дверь: «Мама, выходи! Мама, я угостил стену шоколадкой, она не ест!» Я не выходила. Я медитировала! Я представляла себя на необитаемом острове. И знаешь, что я увидела открыв глаза? Матвея, который принес мне свой горшок и сказал: «Мама, смотри, я выкакал нашу семью: вот ты, вот папа, вот Марина и Матвей и Бублик!» Принес прямо в ванну, Миша! Он притащил мне горшок в ванную и хвастался содержимым! И я должна была радоваться! Потому что это этап развития! Спасибо тебе, мой маленький гений, за то, что выбрал момент моего релакса для демонстрации своих экологических успехов! Семья, как никак! Даже на собаку тужился человек!

Марина зажала рот рукой, пытаясь не расхохотаться. Максим стоял уже красный от перенапряжения.

– А потом ты пришёл! – заорала я, хоть и хрипло, и перевела палец на Мишу, который теперь выглядел так, будто ему срочно нужно на стройку, на Атлантиду, на Марс, куда угодно, лишь бы подальше от этого монолога. – Ты пришёл, сказал, что я сижу дома, и спросил, чего я устала! Чего?! Я устала быть секретарём, таксистом, поваром, психологом, уборщицей, репетитором, медсестрой, ветеринаром и ещё, блин, аниматором в этом цирке и ценителем какашечных инсталляций, который ты называешь домом! Я устала разговаривать спокойно, когда мне хочется выть! Я устала быть твоим «ты ж дома все время» и «ты ж свободна, не работаешь»!

Я замолчала. Тишина стояла такая, что было слышно, как тикают часы на стене. Все смотрели на меня. Миша – с ужасом и зарождающимся пониманием. Дети – с уважением и страхом. Собака – с преданностью ждала слово «жрать». Кот – с превосходством, как будто он всегда это знал. «Но мой «акт возмездия» всё же приберу, воняет». Черепаха – с видом мудрого старца, которая всё видела и всё простила, но в этот раз – на стороне Марии. Спасибо, братан!

Я выдохнула. Горло саднило. Но на душе стало легко.

– Так что, дорогой, – сказала я уже тихо, почти ласково. – С завтрашнего дня ты сидишь дома. А я еду в отпуск с Наташей. Докажи мне, что быть твоей женой – не работа. А когда вернусь, послушаю, что ты скажешь.

Миша сглотнул. Матвей подошёл ко мне, потянулся на ручки, и сказал:

– Мама, а ты уезжаешь? А кто мне сказки читать будет?

Я улыбнулась, посмотрела на мужа и ответила:

– Папа будет. Он же бизнесмен, он горазд на сказки. Правда, Миш?

Миша молчал. Он смотрел на меня, на рассыпанный пазл, на мои бывшие пионы, переваренные и щедро выданные котом, на Матвея с ложкой у пса в пасти, на кота, который начал драть диван, и...

...у него дернулся глаз.

Кажется, до него начало доходить.

3

Так, ладно, главное успокоиться!

Но... как?!

У меня вместо купальника прошлогодняя бесформенная жижа. Ткань выцвела, резинки растянулись, а чашки так деформировались, что одна смотрела вверх, другая вбок.

Я надела его, глянула в зеркало – и расплакалась.

С таким же успехом можно было пойти на пляж в лопухах. (Он еще и зеленого цвета – ну картина маслом! Точнее, лопухами.)

Сняла это недоразумение, швырнула на кровать и начала открывать все ящики комода подряд.

– Мам, что происходит? – спросила Марина, заглядывая в комнату. – Пожар? Мы съезжаем или что-то ищем?

– Я ищу то, чего нет, – ответила я, вываливая на кровать кучу шмоток. – Я ищу свой нормальный купальник. И, походу, его не существует. Как и начала радуги.

А еще я искала свою шляпку, а когда нашла, поняла, что она выглядит как головной убор для пенсионерки на огороде, а не как роскошный аксессуар ухоженной милфы.

Ох, а платья! В каждом похожа на женщину, которая за годы домохозяйства забыла, что такое «выйти в свет». И так забыла, что Альтигеймер нервно курит в сторонке!

Итак, что мы имеем из летнего?

Платье с пятном от сока, которое не отстирывается. Ничем. В мусор.

Шорты, которые я купила ещё до третьей беременности – они застегивались только на честном слове и глубоком вдохе. А я не планировала себя сдерживать или в чем-то себе отказывать. Я вообще, судя по ощущениям, только в этом отпуске и поживу для себя. На фиг шорты!

Сарафан в цветочек, который Матвей однажды изрисовал фломастерами, потому что «хотел, чтобы мама была красивой». Ну... в принципе, если использовать новомодные салфетки из Китая, которые мне как-то посоветовали мамочки из садиковского чата... Отложим. Платью – шанс.

Я перебирала вещи, отбрасывала одно за другим, и с каждым выброшенным предметом чувствовала, как внутри меня нарастает паника. Я поняла, что у меня нет вообще ничего, чтобы выглядеть человеком, а не уставшей язматерью.

Какая-то часть меня ждала, что сейчас я открою ящик, а там лежит идеальный капсульный лук: новый, модный, мой размер, мой цвет.

Ну, знаете, как в кино бывает – открываешь шкаф, а там раз, и всё твоё.

У меня там лежали два старых полотенца, высохший фломастер и дохлая моль. Так ей и надо! Сволочь, обожралась моей шубой из норки и погибла смертью жирной мученицы.

Черепаша Бенджамин Баттон, которую я поместила обратно в аквариум и переставила на тумбу, смотрела на меня с таким видом, будто хотела сказать: «Ну, подруга, ты попала».

– Мам, ты серьёзно куда-то собралась? – спросил Максим, стоя в дверях и скрестив руки. – Ты нас пранкуешь, да? Ты никогда никуда не едешь. Ты даже в магазин без списка не выходишь.

Эй, что за недоверие? Как будто я сказала, что записалась в космонавты.

Я вытащила из шкафа старую сумку, которая помнила еще наши поездки с Мишей без детей, и начала кидать туда вещи, оставшиеся после моего «модного приговора»: майки, шорты, какую-то кофту, нашла пляжную шляпу, купленную лет пять назад, – она была пыльной и пахла нафталином, но я решила, что винтаж не повредит.

– Я серьёзно, – сказала я, не оборачиваясь. – Ваша мама уезжает. В отпуск. Одна. С подругой. Без вас.

Последние два слова я произнесла с особым вкусом.

Марина охнула и закрыла рот рукой. Максим присвистнул. Матвей, который залез на кровать и пытался поймать кота за хвост, замер на секунду, а потом выдал:

– А папа точно умеет рассказывать сказки?

– О, да! – ответила я, даже не моргнув. – Папа тебе такую сказку расскажет – про короля, который не понимал, от чего устает его королева. Страшная сказка! Жуткая-жуть! И финал открытый...

Матвей, конечно же, не понял, но на всякий случай сделал большие глаза и притих.

В этот момент из гостиной донесся звук – сначала неуверенный, а потом нарастающий. Это Михаил Игоревич заговорил по телефону. Сначала тихо, потом всё громче.

– Алло, Сергеич, слушай, я завтра не приеду... Да, я знаю, что объект, отмени всё... Нет, не могу объяснить, дела... Какие дела? Личные, блин, очень срочные!... Нет, не лечу, отмени командировку... Что значит «не отменяется»? Придумай что-нибудь, ты у меня на отмазки мастер!

Он расхаживал по гостиной, запуская пальцы в волосы. Я выглянула из спальни и увидела его: он стоял посреди комнаты, прижимая телефон плечом к уху, и лихорадочно что-то записывал на салфетке.

– Нет, этого клиента перенеси на следующую неделю... На какую? На любую! Я сказал, я занят!.. Ну занят я, жену в отпуск отправляю! Да, сам в шоке!

Я услышала эти слова и чуть не рассмеялась. Он проговорился. Он сказал «жену в отпуск отправляю» – и сам, кажется, испугался собственных слов.

Мишаня замолчал, посмотрел в мою сторону – я стояла в дверях с мятой шляпой на голове и купальником, который свисал у меня с руки, как подстреленный флаг.

На секунду мне показалось, что он сейчас скажет: «Ладно, я пошутил». Но он только сглотнул и продолжил в трубку:

— ...Да, на десять дней. Я знаю, что много. А ты попробуй посиди тут с тремя! Ну, не с тремя, а с целым зоопарком еще... Бублик, иди в *опу со своим мячиком! Не до тебя сейчас!

Он запнулся, понимая, что начинает горячиться.

Бублик подошёл к нему с мячом в пасти, тыкнулся носом в ногу и лёг рядом, будто чувствовал, что хозяин в зоне турбулентности.

Бася страдал на подоконнике и смотрел на эту суету с выражением кота, который познал настоящую боль. А-ля: «Тоже мне, разнылся! Лишиться жены на десять дней – это вам не причиндалов насовсем! Твоя благоверная вернется, а мои бубенцы обратно не пришьешь!»

Я вернулась в спальню и продолжила собираться. Сверху на кучу вещей я кинула солнцезащитный крем, который нашла в аптечке – срок годности на грани, но мне было плевать.

Потом нашла старые солнечные очки, которые Марина когда-то одолжила и поцарапала, но в них хотя бы не видно моих мешков под глазами.

Суета нарастала. Я заметалась: то хватала зубную щётку, то бросала её, потому что вспомнила про зарядку для телефона, то бежала в ванную за шампунем, то спотыкалась о тапки и материлась сквозь зубы.

– Мама, ты на самолете улетаешь? – спросила Марина уже другим голосом. В нём слышалась тревога. – На целых десять дней? А как же мои соревнования?

Я остановилась. Посмотрела на неё. Она стояла, кусая губу, и выглядела такой маленькой и растерянной, что на секунду я хотела всё отменить. Но тут из гостиной донесся голос Миши, который говорил уже другому собеседнику:

– ...Нет, я сказал, перенеси встречу! Потому что мне нужно сидеть с детьми! Что значит «ты не слышал»? Я сам хотел бы, чтобы это была шутка! Я до сих пор не верю, что это происходит!

Все! Назад дороги нет. Слишком много пафоса, слишком много уничтоженных моральных сил, чтобы сейчас сдаться.

Я подошла к Марине, обняла её, поцеловала в макушку и сказала:

– Доченька, вы справитесь! Тебе без меня будет не плохо. Тебе будет интересно. Вы с папой наконец узнаете друг друга получше.

Она шмыгнула носом, но кивнула. Максим посмотрел на меня с уважением и коротко сказал:

– Ну ты дерзкая, мать.

Это был комплимент. Высший балл от подростка.

Миша подходил к спальне, заканчивая третий звонок. Он шел, потирая лоб, и бубнил себе под нос:

– Десять дней. С тремя детьми, собакой, котом и черепахой. Что я такого сказал? Ну, подумаешь «сидишь дома»? Она ж и правда сидит...

Он поднял голову, увидел меня, стоящую в дверях, и замолчал. Хотел что-то добавить, видимо, что-то вроде «ты на мою голову свалилась», но я посмотрела на него (моя короночка – матом!) – и он замолк.

Потому что иногда женщина доходит до такой степени кипения, что у нее по одному взгляду можно прочесть: «Попробуй только пикни, и тебе пи*дец!»

Мишаня знал, если я останусь, но тогда ему придется хуже, чем если бы я уехала.

Я улыбнулась ему самой сладкой улыбкой, на которую была способна, и сказала:

– Миш, я тебе список оставлю. Там расписание уроков, кружков, секций, контакты врача и номер психолога. Не благодари.

Он открыл рот, закрыл, снова открыл, но вместо слов выдал только:

– А черепаху чем кормить?

– Она сама скажет, – ответила я. – Если не дашь вовремя, она просто вылезет и посмотрит на тебя. Достаточно красноречиво, чтобы побежать за капустой.

Черепаша, как по заказу, высунула голову из панциря – я готова поклясться, что она кивнула. Или мне просто казалось от усталости. Но это было красивое завершение сцен

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.